

The book cover features a central illustration. The upper portion shows a detailed medieval castle with multiple towers, spires, and golden domes, situated on a grassy hill under a blue sky with light clouds. Below the castle, a group of knights in medieval attire are depicted on horseback, moving across a rocky, uneven terrain. One knight in the center is on a white horse, while others are on brown and dark horses. The entire scene is framed by a decorative border consisting of a repeating pattern of small circles and lines.

Илья Таранов

**КАК БОГДАН
ХИТРОВО
СИМБИРСК
СТРОИЛ**

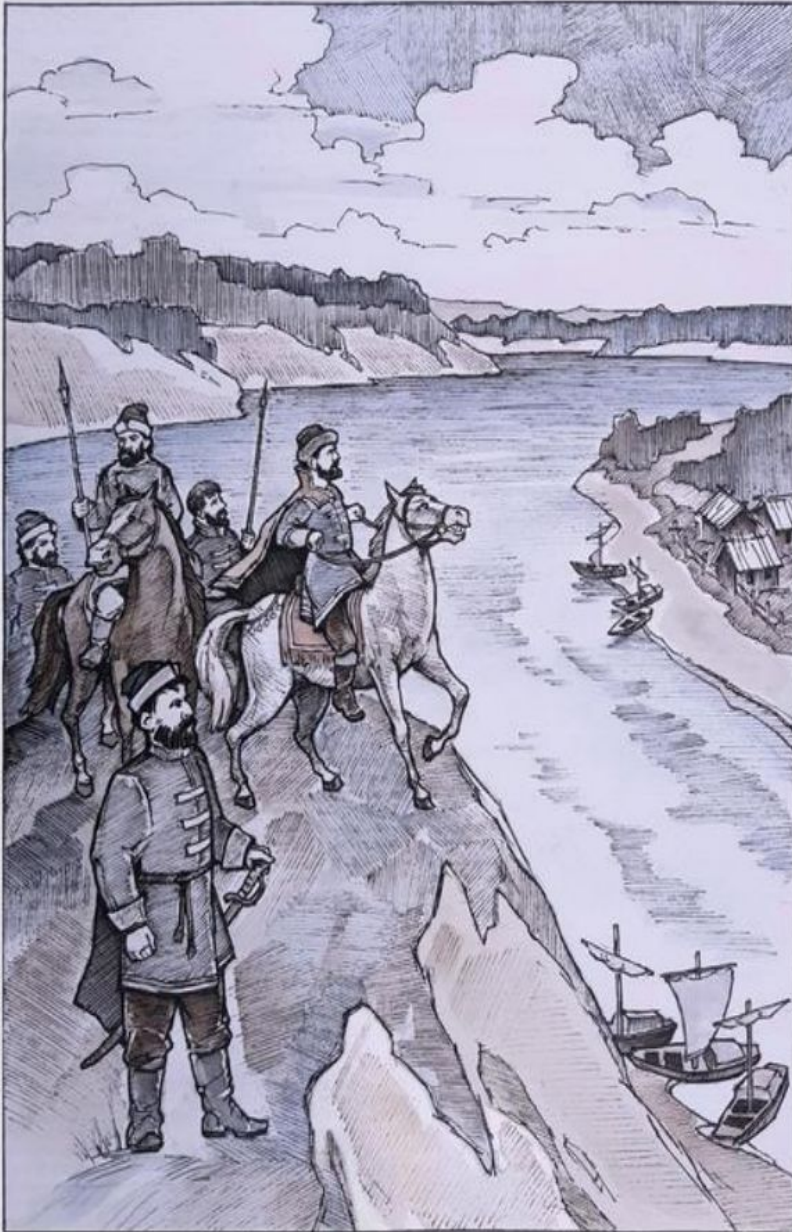
И.Таранов

Как Богдан Хитрово
Симбирск строил

Историческая повесть

Ульяновск 2006

События, описанные в этой повести, начинаются в те времена, когда на Руси царствовал Великий князь Михаил Федорович, первый из династии Романовых, великих царей нашего Отечества.

1

Летом 1642 года по правому берегу Волги у восточных окраин Московского государства двигалась вереница конных воинов. Среди них на белом коне выделялся молодой всадник в узорчатом парчовом кафтане. Богатая сбруя с драгоценными камнями сверкала на солнце. Видимо, это привлекало внимание одинокого коршуна, парившего высоко в небе. Хищная птица видела, как воины поднимались с севера в гору. То был высокий берег, поросший сосной и дубом. Всадник на белом коне время от времени оглаживал свою молодую бороду, которую трепал зазорный ветер. Ястребиные глаза сверкали из-под черных бровей. Он живо осматривал от века не рубленные деревья. Всадника звали Богдан Матвеевич Хитрово, он был стольником при царском дворе. Было ему от роду двадцать девять лет.

В это самое время от реки в гору забирались два босых мальчишки в длинных домотканых рубахах. Один, который помладше, белобрысый с курносом носом, похожий на выбившегося из сил бельчонка, отстал и плаксиво тараторил:

– Митька, пить хочу... Митька, пить!

– Перестань хныкать, Емелька! Близо до макушки, – второй мальчишка, лет восьми, широколобый и сбитый, как заяц-беляк, остановился и посмотрел вверх. Там, будто небесный страж, молчаливо кружил коршун.

– Митька, пить хочу. Вернёмся в деревню, – продолжал ныть белобрысый мальчишка.

– Чу, Емелька, воины с Москвы. Батка мой с реки их увидал, мне наказывал разузнать, куда идут.

– Ежели то ногайцы или башкиры?

– Чу, Емелька, инородцы с ермаковского леса идут, а эти с севера... Если то ногайцы, спрячемся в овраге. Не робей, Емелька, – и мальчишки, отдышавшись, проворно полезли в гору...

Конные воины выехали на край высокого берега. Это был широкий пустырь, окруженный лесом. Внизу размеренно текла могучая река Волга, приютившая на речном просторе большие острова с озерами и лесами. На противоположном берегу в сизой дымке зеленели рощи и заливные луга, живописно тянулись пологие берега с глубокими оврагами. У подножья горы ютились приземистые избы, рыбацкие хижинки и челны. Сверканье синих вод и широкий простор завораживали людей и они, спешившись, некоторое время молчали.

– Вот она, волжская вольница! – воскликнул всадник на белом коне. Он единственный был еще в седле, и, казалось, хотел выше приподняться над землей и заглянуть за бескрайние горизонты.

– Гоже место, боярин Богдан Матвеевич, – ответил стоявший рядом воин с пищалью, в драгунском кафтане и в островерхой шапке, отороченной полоской лисицы.

– А ну-ка, смерть своим метким глазом, Ивашко, как высок берег? – спросил боярин.

– Скажу, боярин Богдан Матвеевич, сто саженой кувырком да под горку.

Боярин усмехнулся и спрыгнул с коня:

– Высок берег, как царский венец, – он снял с головы бархатный клобук, отороченный соболем, и свежий ветер принялся трепать черную голову заезжего гостя...

Ивашко подобоострастно воскликнул:

– Выехал на венец наш Богдан Матвеевич, русский удалец!

– Дело, Ивашко! Назову этот берег Венцом...

Богдан Хитрово, подбоченившись, наблюдал за двумя карабкающимися в гору мальчишками. Первый из них вскоре забрался на травный берег и уперся лбом в чедыги узорчатого сафьяна – боярские сапоги. Мальчишка задрал голову вверх и застыл с открытым ртом, разглядывая смоляную бороду воина. Следом, сопя и шмыгая носом, забрался второй мальчишка. Он требовательно гундосил:

– Митька, пить хочу.

– Чу, Емелька, это не нагайцы. Видишь, сабля вся богатырская с царской короной.

Бородатый воин посмеивался в усы и молча рассматривал нежданных гостей. В свою очередь мальчишки во все глаза разглядывали позолоченную саблю, пристегнутую сбоку. Она висела прямо у них перед носом. Если бы воин вынул ее из ножен, то умеющий читать разглядел бы на полосе сабли наведенную золотом славянскую надпись: «7150 (1642). Государь Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси пожаловал сею саблею стольника Богдана Матвеевича Хитрово».

– Митька, вертаемся в деревню. Боярин очень строг.

– Не трус, Емелька. Боярин нас не гонит, чу, спросит чего, что знаем.

Богдан Хитрово раскатисто рассмеялся:

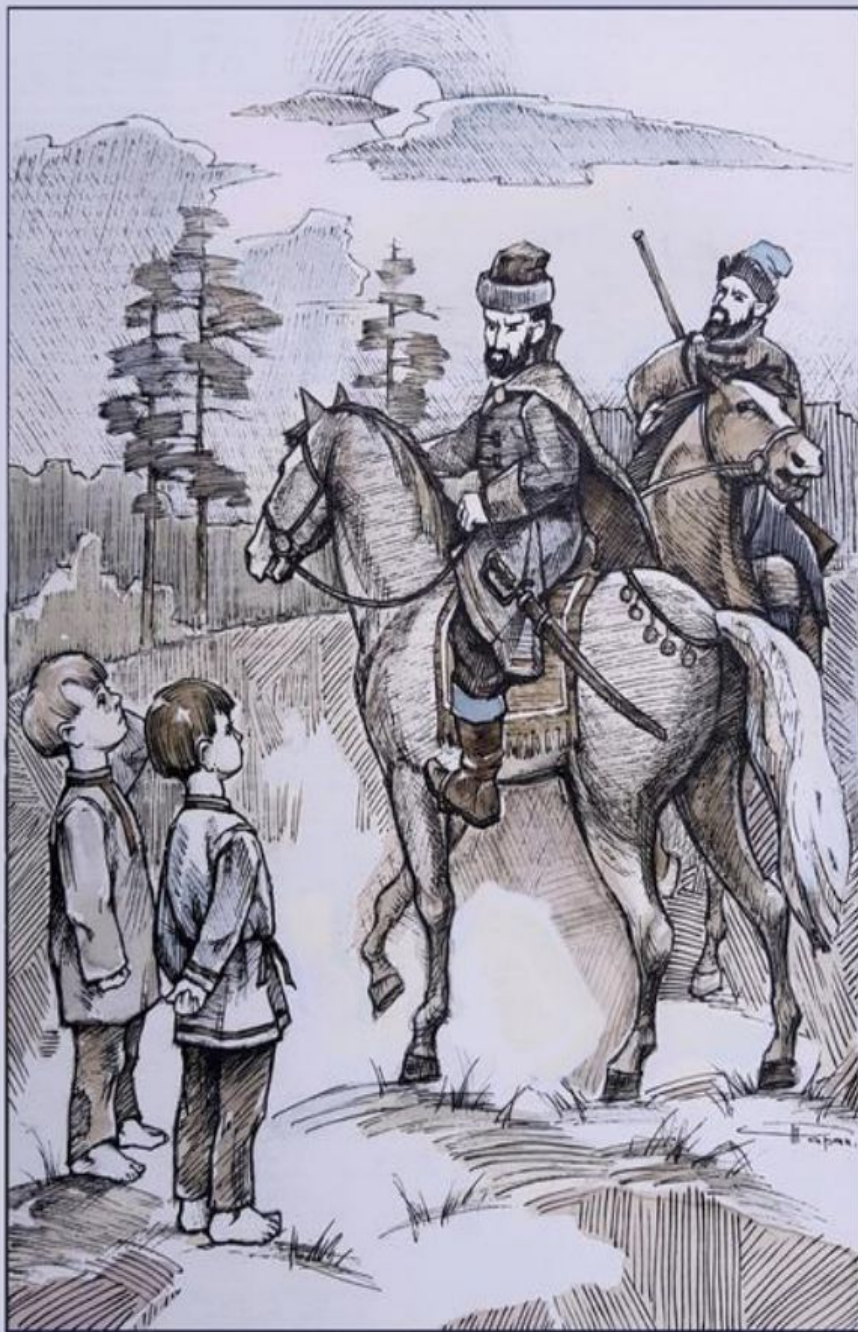
– Гоже, мальцы волжские. Царского посланника рассмешили. Гнать не буду! Ивашко, испытай-ка мальцов на смекалку.

– Эй, мальцы-стрельцы, загадку мою слушайте: «Стоят старушки: вздохнут они да охнут, вблизи все люди гложут».

Митька и Емелька поднялись на ноги, потирая колени и утирая носы. Митька смело ответил:

– Чу, дядька-боярин, старушка та – бабка Афоньки. Мы его вчера поколотили, а бабка эта кочергой грозила и ругалась так, что на Петровом острове слышали.

Тут уж рассмеялось все войско русского боярина. Сам Богдан Хитрово смеялся знатно: борода ходуном ходила, как метла дворника. Ивашко от смеха приплясывал. Боярин спросил:

– За что Афоньку поколотили?

Митька ответил:

– Чу, дядька-боярин, Афонька хотел украсть нашу лодку, а не смог, так в днище дырку продолбил.

Боярин нахмурился:

– Негоже дело – лодки дырявить. Верно побили! Что ж вы на этой завозне одни по Волге катаетесь?

– Уж два раза на острова плавали и рыбу удили.

– Много ль наудили?

– Нам хватает, а батька мой раз поймал белорыбицу: моего росту одна голова. Никто боле не ловил. Емелька видал.

Емелька утвердительно кивнул головой:

– Все видали, и мой дед видал, и Афонька, и бабка Афонькина видала. Я сам рыбице в рот палку совал.

– Это же зачем дело такое?

– А такое, – ответил Емелька, – чтоб там черти не прятались.

Боярин Хитрово многозначительно посмотрел вокруг:

– Доброе дело... А загадку-то отгадывать будете, мальцы? А ну-ка, Ивашко, повтори.

Ивашко напомнил: «Стоят старушки: вздохнут они да охнут, вблизи все люди глохнут». Митька переглянулся с Емелькой.

– Чу, дядька-боярин, других этих старушек мы не знаем, а Афонькина бабка буявая старуха. Она нам сегодня кричала: «Пошто на гору полезли, разбойники босоногие».

Боярин усмехнулся в густую бороду, а Ивашко растянул улыбку до ушей:

– Эй, мальцы-стрельцы! Однако мою загадку вам не отгадать, а как гора эта зовется, живее сказывайте боярину Богдану Матвеевичу.

– Чу, дядька-боярин, гора эта зовется Синбирской, – с мальчишеской гордостью ответил Митька.

– Синбирская гора-а! – в задумчивости протянул боярин, вновь оглядывая величавую реку и туманные волжские просторы.

3

– За лесом речка Синбирка. Туда заказано ходить. Там великан живет. Он хочет скусить гору, да зубы слабы, – выпалил Емелька.

– Зачем великану гору скушивать? – притворно удивился боярин. Емелька ответил:

– В Синбирской горе ветер живет. Ночью шумит – великана будит.

– Доброе место, раз великан его одолеть не может, – сказал боярин, осматривая соколиным взглядом пространство.

– На западе блестела ещё река. Как называется?

– Свяяга! – дружно ответили друзья.

– С трёх сторон гору защищают реки – Волга, Свяяга да речка-Синбирка. Надо бы здесь крепость построить для охраны русской границы!

– Хорошая думка, боярин. Государю надо донести всё в подробностях.

– Добро!

Ивашко, зная нрав боярина, более молчал. Богдан Хитрово погрузился в свои боярские думы. Потом сказал, обращаясь к притихшим мальчишкам:

– Ведаю, что Ивашко неспроста вспомнил эту мудреную загадку. Что, мальцы, вижу, она вам не по зубам, как великану сея гора волжская. Те старушки – бронзовые пушки. Как охнут! Все оглохнут!.. Быть здесь крепости с пушками. Эй, Ивашко, дай-ка мальцам-молодцам по новгородке, чтоб царского боярина Богдана Матвеевича Хитрово помнили. Кто из вас старше?

– Чу, дядька-боярин, я старше Емельки на год с пряником.

– Врешь, Митька! Без пряника!

Боярин удивился:

– Что за дело – год с пряником?

– Чу, дядька-боярин, я пряник испробовал, а Емелька – нет. Из Астрахани купец приплывал. Я купцу рыбу носил, торг имел, он мне пряник дал.

– Что ж ты Емельку не угостил?

– Я звал Емельку к купцу идти торговаться, так он не пошел.

Боярин лихо запрыгнул в седло:

– Вот тебе дело, Митька. Мы к закату спустимся в твою слободу на ночевку. Вели своему батьке рыбы в котле наварить. Сказывай, царский стольник будет... Эй, дружина! Гоним лошадей к Свяяге! Успеем, так леса дальние оглянем.

– Гэ-й-эй! – Синбирская гора задрожала от конского топота.

4

Коршун все еще кружил над волжской горой и видел, как конная вереница спускалась по отлогому берегу к извилистым бережкам Свяяги. Эта неширокая речка текла почти параллельно своей старшей сестре Волге. Боярин на белом скакуне высказал вслух свои думы:

– На Синбирской горе крепость соорудить надобно! На восток протянуть засечную линию. Ногаец здесь отпор встретит! Дело царское, Ивашко!

– Наше дело – не жалобиться, а исполнять боярские наказания.

– Сколь думаешь, Ивашко, от Волги до Свяяги верст будет?

– Две версты, боярин, пешком, да еще пять аршин шагком. Для города-крепости место и впрямь, подходящее.

– Не говори гоп, Ивашко!.. Это лишь мои думки...

Тем временем Митька и Емелька кубарем скатились с горы и помчались к Митькиной избе. За ними было увязался Афонька, да друзья раскрыли перед Афонькиным носом ладошки с новгородками – серебряными копеечками. Афонька замер и только изумленно моргал вслед, как брошенный котенок. Друзья с грохотом ввалились в избу и бросились к бочке с водой – жажда мучила обоих мальчишек. Они выхватывали друг у друга деревянный ковш и напились до боли в животе. Сквозь слюдяные окна просачивался кисельный свет, освещал лавку, стол, углы, уставленные крестьянскими сундуками и укладками, и печку врытой наполовину деревенской избы. У печки, переставляя горшки, топталась Митькина мать. Увидев сорванцов, она охнула:

– Откуда такие разудалые явились?

Митька, тяжело дыша от переполненного водой желудка, восторженно говорил:

– Mamka, я с дядькой-боярином разговор водил. Дядька-боярин от царя прислан. С войском на белом коне прискакал. Борода черна, сам грозен.

– Ой, Митька, розги под рукой нет!.. Что язык твой мелет?

– Чу, мамка, Емелька скажет.

– У боярина того богатства невиданно. Боярин нам по новгородке поднес, – Емелька показал серебряную деньгу с чеканным всадником.

Митькина мать присела на лавку:

– Ой, цари земные и небесные!.. Что ж боярин сказывал?

– Чу, мамка, наказано рыбицы наварить. Дядька-боярин будет у нас ночевать.

– Ой, цари земные и небесные!.. Батяка твой все еще на островах рыбалит. Сыщите его! Государева боярина встречать надобно с почестями. Неровен час осерчает... Ой, цари небесные! Как же вы одни-то?

– Плавали уже! – и Митька с Емелькой помчались по берегу к своей лодке. Однако на их пути внезапно появился Афонька и высокорослый Тимошка, сын бортника. Афонька визгливым голосом остановил друзей:

– Мы поколотим вас, Митька!

– Отпущу, ежели деньгу дадите, – добавил Тимошка.

Митька и Емелька прижались друг к дружке плечами.

Митька сказал:

– Пустите, нам к батяке скорее надо. Дядька-боярин едет в деревню. От царя прислан.

Тимошка притворно схватился за живот:

– Помру со смеху! Может, царь послал боярина за тобой, Митька? В гости зовет!

– Чу, Тимошка, боярин с нами разговор вел.

– Дай-кось, Митька, я разомну кулаки, – грозно продолжил Тимошка и шагнул вперед.

– Отдай деньгу, – подхватил Афонька.

Митька ответил:

– А ну! Заверну твою шею, Афонька!

Афонька попятился и спрятался за спину Тимошки:

– Наколоты их, Тимошка!

– Сунься! – Митька набычился и сжал кулаки.

Тимошка медлил. Митька толкнул Емельку плечом:

– Одолеем! Закинь копейку в рот! Да не заглоти, сожми зубы!

5

Митька положил серебряную монету в рот, воинственно промычал-прорычал и бросился на Тимошку. Емелька следом. Они сбили с ног замешкавшегося врага и принялись отчаянно колотить его по бокам и макушке. Афонька накинулся на них со спины – бил, царапал и кусал, но те будто его не замечали – лихо надели на Тимошку. Тот крепко отбивался, но Митька и Емелька не дали ему подняться. Драка

закончилась быстро. Тимошка выдохся и, побитый, отползал. Афонька, испугавшись, перестал размахивать руками и отбежал в сторону. Митька и Емелька, утирая окровавленные лица, часто дышали носом, показывая сжатые зубы. Не было ни малейшего сомнения, что друзья готовы продолжить битву и стоять насмерть. Эта решимость и бойцовские позы лишили воли Тимошку и Афоньку. Ругаясь и грозя издали, они не посмели более препятствовать походу Митьки и Емельки. Бросив верёвку с якорем в заводню и, отчалив от берега, друзья выплюнули окровавленные серебряные монеты на ладони и принялись рассматривать их, будто видели впервые.

– Чу, Емелька, мой всадник копьём бьет инородца!

– Мой всадник колотит Тимошку. Глянь, Тимошка молит пощады, – Емелька поднес ладонь к Митькиному носу. Митька погрозил:

– А ну, еще сунутся!.. Поколотим!

– Я их не боюсь, – Емелька утерся рукавом рубахи.

– Умойся водицей, – Митька положил монету в рот и умыл свое лицо.

– Митька, на копейку сколь пряников выторгуешь?

– На серебряную много, враз не съешь.

– Пуд пряников съем! – хвастанул Емелька.

– Бестолковый ты, пуд пряников съешь и помрешь.

– От пряников не помрешь!

– Чу, Емелька, волна поднимается, а мы еще посереде пути. Сгонит от острова, пропадем!

Друзья налегли на весла. Работали слаженно, чувствуя под собой величественное дыхание Волги – привольное и опасное. Мальчишеские загорелые спины раскачивались как маятники. Митька ритмично мычал – давал команды Емельке. Монеты сжимали во рту. Вскоре их лодка уткнулась в песчаный берег Чувичинского острова. Они пробрались через заросли ольхи, прошли сосняком до озерца, опять сосняком и выбрались на цветущую луговину. Мужики сушили

неводы, дымил костер. Одна лодка стояла в протоке между двух островов.

– Батяка! – звонко крикнул Митька. – Дело спешное!

Мужики дружно оглянулись. Один из них ответил:

– Митька, чертяка! По какому делу зандобилось на остров плыть без надзору?

Митька, не останавливаясь, повторил:

– Батяка! Дело спешное!.. Разузнал я – воины те с Москвы. С ними дядька-боярин на белом коне. Борода черна, сам грозен. На боку сабля.

– Что за надобность занесла лихих воинов?

– Мерят место под крепость. Пушки ставить мыслят.

– Весть пригожая! Дело государево... Так ждал бы на берегу, Митька! Спешил зачем, чертяка?

– Чу, батяка, дядька-боярин наказывал тебе рыбицу варить.

Митькин отец тревожно переглянулся с мужиками.

– Врешь, Митька, норовишь батюку своего испытать!

– Чу, батяка, Емелька кривду не скажет.

Митькин отец присел перед Емелькой, взял его за плечи и заглянул в светлые глаза:

– Скажи, Емелька, Митька врёт?.. Что молчишь-то?

Емелька выплюнул на ладонь серебряную копеечку и протянул перед собой:

– Боярин нам по копеечке поднес. Гостить у нас будет. Про великана расспрашивал.

– Какой великан? – удивился Митькин батяка.

Митька показал свою монету:

– Чу, батяка, дядька-боярин многое расспрашивал. Про гору Синбирскую. Емелька ему поведал сказку о великане, что живет на речке-Синбирке.

– Тьфу, чертяки! Дело говорите!

Митька почти криком выпалил:

– Дядьку-боярина сам царь прислал. Дядька-боярин ночевать станет в слободе. Варить тебе надобно рыбицы.

Митькин отец озадаченно посмотрел на мужиков. Те пожимали плечами: «Бог его знает?» Митькин отец решительно встал:

– Бог-то бог, а не будь сам плох! Дело государево. Надобно боярина встретить по чести.

Мужики согласились:

– Встретим, а то. Мальцов враз одарил серебряными копейками, может нам перепадет от боярской милости.

– Кабы нам батогов не перепало, – хмыкнул Митькин батяка. – Как говорят: «Боярин и в рубище не брат». Федька, присмотри стерлядку пожирнее и сплавай на бобровый гон к хромому Дорофейке. Выпроси шкуру побогаче. Мы с чертяками на берег.

Другие мужики предложили:

– Мы – к бортнику Сеньке Архипову на пасеку за свежим мёдом... А то! Бочонок нацедим, ублажим царского боярина.

6

Над Волгой вечерело. Звезды еще не проглядывали на прозрачном небе, но прохлада воды уже подгоняла скорые сумерки. На берегу среди двух дюжин сереньких изб горел жаркий костер. На огне варилась рыба. От нее шел аппетитный дух и заставлял вздрагивать Митькины ноздри. Мальчишка чувствовал важность приближающегося часа. Знатный боярин от самого царя вот-вот прибудет к его батяке! Эта весть быстрее ветра разлетелась по округе. Народ собирался поглазеть на московского боярина. Митькин батяка крикнул:

– Митька, чертяка, не путайся у огня. Чую, боярин с дружиной близко. Беги за гору, повстречай государева гостя.

Митька позвал Емельку и они пустились по берегу к широкому оврагу – единственному месту, где можно конному

спуститься к реке. Свои копеечки друзья спрятали на волжском острове. Каждый сохранил по-своему: Митька закопал на берегу озера под раскидистым кустом раkitника, Емелька – между двух сосен и засыпал кучей хвои и сухих сучьев.

Добравшись до оврага, они уселись на траву и продолжили начатый дорогой спор. Емелька тараторил:

– Митька, у воды не утаишь клад. Дознается водяной и откопает копеечку.

Митька отвечал:

– Я ладно спрятал у воды. В лесу дознается леший и приберет твою копеечку.

– Как дознается? – испугался Емелька.

– Чу, еловая голова! Увидит, что ты наскреб гору хвои и дознается.

– Может, это не я наскреб? – успокаивал себя Емелька.

Митька усмехнулся:

– Леший спрашивать не дурак, копнет под сосной и найдет серебряную копеечку.

– Зачем лешему копеечка?

– Пряников накупит!

Емелька улыбнулся:

– Афонька с Тимошкой могут дознаться, а лешему не смочь. Леший пряник не скусит, у него зубов нет.

– Ты почему про зубы знаешь?

– Афонькина бабка хвалилась, что леший ей старшой брат.

– А ну!

– Так у Афонькиной бабки зубы все повыпадали.

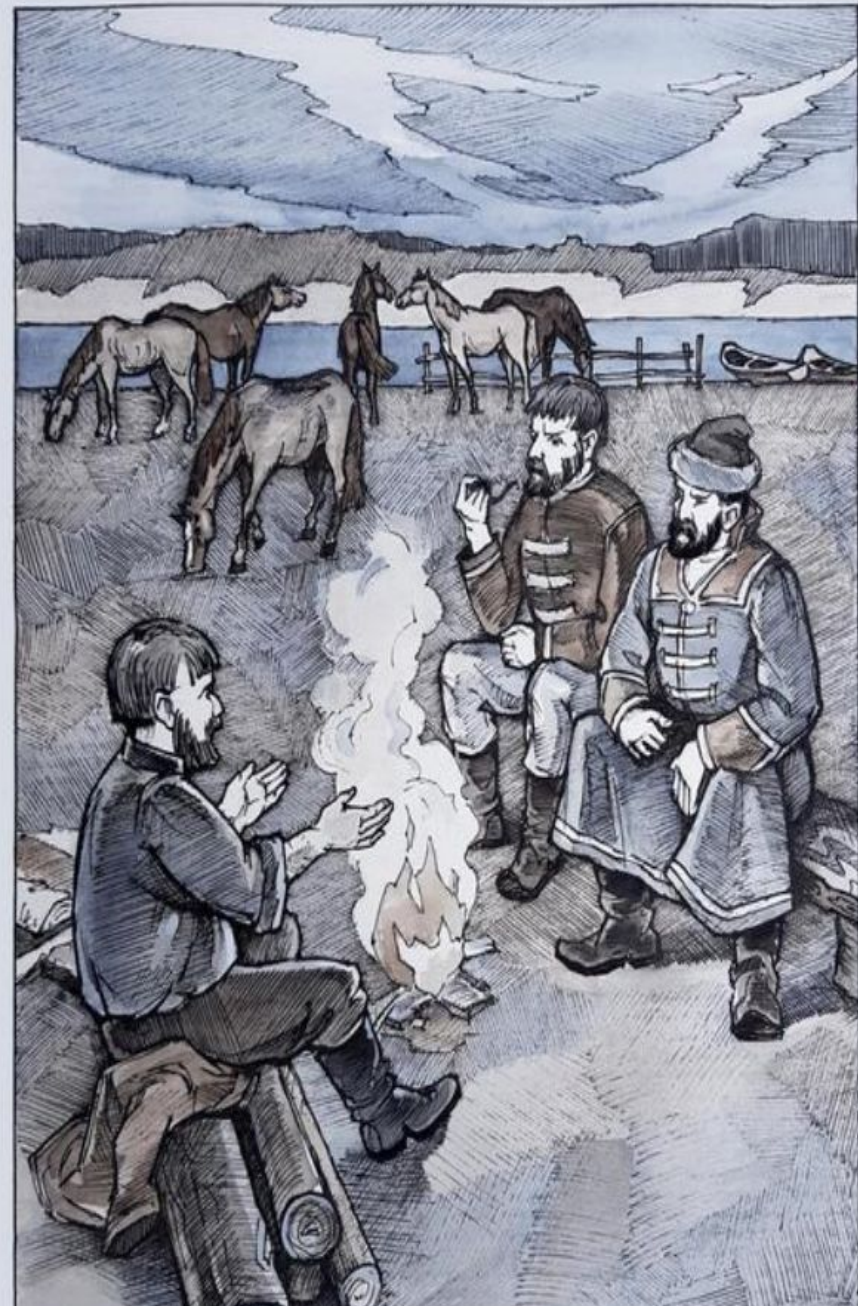
– Еловая голова! Афонькина бабка пужала нас!

– Ну!

– А то!.. Чу, Емелька, всадник скачет с горы!

Дозорный Ивашко остановил коня около друзей.

– Гоже, мальцы-стрельцы, коль боярина встречаете. Что ж за костер у Волги пылает? Маяк сигнальный?

– Чу, дядька-Ивашко, мой батька рыбицу варит, дядьке-боярину окажет почет.

– Ай, малец-молодец! – Ивашко обернулся к оврагу и свистнул по-своему. Вереница всадников спустилась к реке. Впереди на белом скакуне ехал Богдан Хитрово. Увидев боконогих мальчишек, он улыбнулся:

– Добру быть, раз сами встречаете! А ну, Митька, полезай на коня... Ловкий хлопец!

Митька гордо сидел с Богданом Хитрово, который одной рукой держал вожжи, другой поддерживал Митьку. Емельке тоже повезло: он ехал с Ивашко. Когда они въехали в рыбацкое поселение, первыми на их пути попались Тимошка и Афонька. Митька повернулся и через плечо взглянул на всадника – Богдана Матвеевича – как бы убеждаясь, что это не сказка, а явь. Затем он торжественно посмотрел на стоявших у дороги мальчишек и крепче прижался к руке боярина. Емелька не сдержался и состроил Афоньке рожицу. Тот надулся и от обиды чуть не заплакал.

7

Ратные люди подъехали к костру. В сизом дыме, расплывшемся по берегу, молчаливо стояли избы и люди, вышедшие из своего убогого жилья поглазеть на московских гостей. Заходящее солнце розовыми лучами освещало левобережье, а на подгорье уже легла вечерняя тень. Митька слез с коня, подбежал к своему отцу и, взяв его за руку, звонким голосом сказал:

– Это мой батька!

– Хлеб-соль, боярин! – Митькин отец низко поклонился всаднику на белом коне. – Я Кузьма Васильев, старшой рыбак, сын Данилы из Алатыря. Пожалуйте к нашему столу. Отведайте волжской стерлядки... Как говорят, киселю да царю всегда место есть.

Важный гость оглядел своим зорким глазом столы и лавки, выставленные поодаль, и сильным голосом произнес:

– Доброго здравия, волжане! За хлеб-соль спасибо. Я, царский стольник, послан нашим государем Великим князем Михаилом Федоровичем для расширения границ Московского государства... Много ли убытку приносят вам инородцы?

Народ сразу оживился, раздались голоса:

– Случается!.. Убытку хватает... Инородцы разоряют нажитое...

Митькин отец добавил:

– Кочевники набеги учиняют, боярин. От реки Уса и Сызран ходят в здешние края ногайцы, башкиры и киргизы. Раньше бывало, крымские татары захаживали.

Богдан Хитрово приказал Ивашко выставить караул, а сам спешился. Следом спешилось все войско. Митькин отец преподнес московскому гостю подарки: бобровые шкуры и бочонок меду. Ивашко взял подарки с благодарностью и сказал:

– Добрый у тебя, Кузьма, малец-стрелец. По нраву пришелся нашему боярину.

Богдан Хитрово подтвердил, садясь за стол:

– Смышленный малец!

Митька и Емелька крутились рядом, поглядывая в сторону Тимошки и Афоньки. Те робко стояли стороной. Заезжим воинам прислуживали Митькины мать и отец. Остальные поселенцы не смели приблизиться к царскому боярину, а многие занялись своими повседневными заботами. Митька хотел сам услужить боярину, но мать не дала ему глиняную чашку с рыбой:

– Ой, цари земные и небесные!.. Митька, не крутись у котла, обваришься!

Митька и Емелька сели на край лавки и смотрели, как царские воины ели вареную рыбу с душистым хлебом и луком. Ивашко достал из небольшого мешка, привязанного к седлу, две серебряные ложки и серебряные кубки. На одном

Митька разглядел чеканного двуглавого орла. Мальчишка удивился и воскликнул:

– Чу, дядька-боярин, птицы такой не бывает!

– Что так? – притворно поднял брови Хитрово.

– Чу, дядька-боярин, у этой птицы две головы. Полетит одна голова за береговушкой, а другая – за чайцей. Птица эта упадет в воду и утонет.

– Зачем же она полетит за береговушкой? – продолжал боярин.

– Понятно полетит, чтобы поймать!

Богдан Хитрово покрутил кубок в руках и продолжил:

– А что, ежели две птицы сдружились?

– Чу, дядька-боярин, эти птицы не дружат. Мы с Емелькой видали, как ястреб летал, изловил береговушку, а другой у него выбил и улетел в лес... Емелька скажет.

Емелька в подтверждение кивнул:

– Один ястреб задрал другого.

Ратные люди за столом прислушивались к интересному разговору и посмеивались. Богдан Хитрово взглянул на Митькиного отца, который топтался у костра и спросил:

– А ты, Кузьма, знаешь, что за птица на моем кубке отчеканена?

– Как не знать, боярин! Известное дело – государево клеймо!

Царский боярин удовлетворенно кивнул:

– Герб государственный! Византийский двуглавый орёл! Иван III указом своим затвердил, когда сподобился жениться на племяннице константинопольского императора... За Великого князя Михаила Федоровича! – Богдан Хитрово высоко поднял кубок.

Митька мало что понял из разговора взрослых, но для себя решил: раз такая птица существует, то надо ее поймать и показать Тимошке с Афонькой. Вот уж они удивятся!..

Трапеза закончилась. Солнце давно спряталось за горой, и теплые сумерки завладели волжским простором. Стали различаться не слышные днем звуки: затрещал кузнечик, тревожно пискнула птица, зашуршал в траве зверек, заквакали вдалеке лягушки. Все ярче полыхал костер, все слышнее потрескивали сосновые поленья. Митька не послушался мать и остался на берегу. У костра сидели Богдан Хитрово, Ивашко и Митькин отец. Уставшее войско устроилось под звездами на принесенных поселянами подстилках. Кони тихо бродили в темноте у воды. Митька вслушивался в разговор, который шел между его отцом и московскими гостями.

– Добрый огонь, Кузьма! Поленьев убавь. Жар долит лицо, – вполголоса говорил Хитрово.

Митькин отец откинул от костра несколько горящих поленьев. Ивашко одобрительно махнул рукой и, продолжая разговор, спросил:

– Кузьма, чем в этих местах народец-то промышляет?

– Здесь по обоим берегам Волги издавна стояли рыбацьи слободы. Живет в них в основном мордовский люд, частью татарский. Чувашей немало. Со времен Ивана Грозного русский народ переселяется. Поселян много. Воля манит людей пуще золота...

– Воля здесь в каждой пичужке поёт! Непуганая природа! – воскликнул Хитрово. Кузьма продолжил:

– Край рыбой богат! Севрюга, стерлядь, белуга, сазан, лещ, щука... Сюда из Каспия осетровые поднимаются, на галечном дне икру откладывают... Купцы рыбы воздушные пузыри покупают. Клей из них варят. Говорят, что стерляжий самый крепкий... Рыбаки да охотники в этих местах. На бобровых гонах люд промышляет. Зверья иного много водится: медведи, лисицы и куницы, волки стаями рыскают... Из Астрахани купцы плывут, товар везут. Как говорят в народе: «Всяк своим разумом кормится». Волга – царица-река – всех кормит!

Митька слушал отца, а сам поглядывал на Богдана Хитрово. Пламя костра дрожащими бликами отражалось в его ястребиных глазах и позолоченных пуговицах дорогого кафтана. Одно то, что этот дядька-боярин послан самим царем, рождало в Митькиной голове множество мыслей. Царь Митьке представлялся огромного роста в шубе до пола, грозный и справедливый. В Митькином воображении, царь о каждом человеке на земле знал все. И в его власти было распоряжаться их судьбой. Царь, по мнению Митьки, специально послал дядьку-боярина к Митькиному отцу. На то была причина. Как-то рассказывал Митьке отец о Царь-пушке, которая охраняет царя от разбойников. Размер этой Царь-пушки, по рассказам, был просто невероятным. Митькин отец утверждал, что Митька с Емелькой могут залезть внутрь ствола пушки и встать в полный рост. Митька мало верил этому, потому что один раз видел настоящую бронзовую пушку у заезжего купца. Митька помнил, как попытался просунуть в жерло руку и получил за это крепкий подзатыльник. Эта пушка вовсе не была огромной. Сейчас Митька ждал, когда дядька-боярин скажет, что царь послал его выполнить Митькино желание – увидеть Царь-пушку. Митька знал, что мать не отпустит его в Москву, а отец отпустит. Единственное, что хотел Митька попросить у дядьки-боярина, так это взять с собой Емельку. Иначе кто подтвердит Тимошке и Афоньке, что Митька залезал в Царь-пушку?.. Митька опять прислушался к разговору. Говорил Митькин отец:

– Издревле здесь жили славянские племена. Занимались охотой на птиц, звериной ловлей и разведением пчел. Жили они в глухих лесах.

Ивашко спросил:

– Видели мы на горе, ближе к реке-Синбирке, остатки строений. Что об этом сказывают, Кузьма?

– Старожилы сказывали, что на Синбирской горе много веков назад стояло древнее городище, построенное во времена Болгарского царства.

Богдан Хитрово подтвердил сказанные слова, показывая знания человека, стоящего на высокой государевой службе:

– Верно сказывают, Кузьма! Читал я летописи монаха Нестора. Про эти края он писал, что в шестом веке на эти волжские берега пришли болгары и построили крепкое государство. Болгар иногда называют булгарами, а царство – болгарским. Столица Булгарского государства – Болгары – располагалась выше по Волге в сторону Казани. В тринадцатом веке Волжскую Болгарию разорил Батый, и она вошла в Золотую Орду, а потом в Казанское Ханство... Когда Иван Грозный покорил Казань, сюда стали переселяться русские...

– Славная история, – заполнил паузу Ивашко.

Богдан Хитрово продолжил:

– Интересно мне знать, Кузьма, почему же эта гора называется Синбирской?

Митькин отец погладил в задумчивости подбородок и ответил:

– Слышал я мудрые речения, боярин, от Алатырского книжника, что мордва, которые жили здесь племенами до болгар, называли эту гору Сююмбир, что в переводе с их языка значило «зеленая гора». Один знаменитый болгарский князь взял себе похожее имя, Синбир, и построил город на левом берегу Волги вниз по течению верст на тринадцать-двадцать, назвав его Синбирским городищем в честь своего деда, который был похоронен на этой горе. Сказывают, с тех пор эту гору стали называть Синбирской.

– Добро, Кузьма! Стало быть, место это знаменитое...

Богдан Хитрово погрузился в свои думы. Митька лег на подстилку и смотрел на звездное небо. Он решил, что разговор о Царь-пушке дядька-боярин затеет утром. Сейчас его голову занимала новая мысль. Митька понял из услышанно-

го разговора, что давным-давно здесь было древнее царство. А раз было царство, то здесь жил царь! Это открытие сильно удивило его, и он решил обсудить эту важную тему с Емелькой. Созвездие Большой Медведицы мерцало над Митькой, уводя его в мир сновидений. Уже во сне Митька почувствовал сильные руки отца, которые бережно подхватили его и понесли над землей, как почудилось Митьке, прямо в Москву к Царь-пушке...

9

Когда утреннее солнце проникло через слюдяные окна в избу, Митька проснулся и выскочил наружу. Мать на реке полоскала белье. Конных воинов нигде не было видно. Митька озадаченно смотрел по сторонам. Мать крикнула:

– Чуть свет ускакал твой боярин в Москву... Подарок оставил: кубок с царским орлом. Слава царям земным и небесным!.. Отец на острова уплыл. Наказывал тебе сеть разобрать, что в сенях... Поешь хлеба и сюзьмы.

Митька побежал за дом, упал в траву и заплакал. Такого обмана он никак не ожидал. Вскоре появился Емелька, сел рядом, раздвинул лопухи и спросил:

– Тебя Тимошка обидел?

– Чу, Емелька, меня обидел царь! Он же знал, что я хочу в Москву, а дядьке-боярину того не наказал.

– Может, забыл?

Митька сел, утирая слезы:

– Я хотел ехать Царь-пушку посмотреть и тебя взять. А царь вместо этого кубок с орлом пожаловал, а я его и не просил.

– Не плачь, Митька. Я в Москву не хочу... Там страшно. Афонькина бабка сказывала, там людям головы рубят... Идем на острова, копейки проверим.

– Не томоши меня, Емелька... Батка мне наказал невод разобрать.

– Я помогу!

Митька успокоился. Ему пришла в голову шальная мысль:

– Емелька, я один в Москву отправлюсь. Купца упрошу, деньгу дам!

– Меня Тимошка с Афонькой побьют, коль уйдешь.

Митька предложил:

– Вместе уйдем, не побьют!

– А пряники в Москве есть?

– Слыхал я, в Москве одна улица вся пряниками запружена. Ешь – сколь сможешь!

Емелька вздохнул:

– Ежели так, я пойду.

– Молодец, Емелька! Я тебе тайну раскрою... В наших краях тыща лет назад царство было. Царь тут жил, может, в моей избе, а может, в твоей! Батка мой и дядька-боярин так сказывали. Я вчера с ними у костра вечерял.

Друзья принялись разбирать перепутанный невод и обсуждать будущий поход в Москву...

Прошла неделя. На большом насаде – речном парусном судне – приплыл из Астрахани купец с командой и стражей. Скупал шкуры бобра и куницы, мед и рыбу. Поселяне брали ткани и одежду, порох и свинец, соль и муку, столярный инструмент и кухонную утварь. Митька и Емелька крутились вокруг, заходили на судно с Митькиным отцом. Народ толкался, шумел, торговля шла бойко, купец торопился в Казань и дальше – в Москву. Митька высмотрел на судне место, где можно схорониться. Как только Митькин отец сложил покупки в мешок и сошел на берег, Митька и Емелька юркнули на корму и спрятались за поклажей. Там было укромное местечко. Они заранее хотели взять в Москву свои серебряные копейки, но отец убрал лодку с берега, пригрозив Митьке наказанием, если он опять вздумает сплавать на

острова. Сейчас они молча жались друг к другу, ощущая страх, который заставлял их сердца биться чаще. Даже если бы они решили вернуться на берег, ноги бы не послушались. Пушка, которая устрашающе стояла рядом, пугала Емельку и завораживала Митьку. Наконец, подняли паруса и судно отчалило. Походная суета четверть часа пугала маленьких беглецов, но вскоре на судне угомонились. Купец, голос которого был слышен чаще других, потребовал:

– Гришка! Разбойник! Заводи песню!

Заиграли гусли, разлился над рекой бархатный голос:

Эх, как Волга-река велика и привольна,

Так бы жизнь моя удалая текла.

Эх, прибило б волной мою стругу печальную

К тем, что снятся мне боле, да к родным берегам...

Когда песня закончилась, купец тяжело вздохнул и приказал:

– Эй, ребята! Налейте певцу вина... Да мне чарку поднесите!.. Эх, кабы воли да боле!.. Гришка! Разбойник! Потешь душу новой песней...

10

Наслушавшись, купец ушел в трюм и лег спать. Наступила убаюкивающая тишина. Редкие чайки кружили над кормой и вскрикивали, возможно, ругая беглецов, что покинули отчий дом. Но в этот час Митька и Емелька уснули и не слышали ни крика чаек, ни шума волн, набегающих на борт. Проснулись они от выстрела и крика: «Казачи!». Часовой забил тревогу. Тотчас застучали барабаны, выстрелили из пушек, и большая часть команды и стражников изготовились для защиты судна от нападения. Заспанный купец вылез из трюма. Часовой указал на всадников, которые с минуту гарцевали на берегу, а затем скрылись.

– Лазутчики! – тревожно сказал купец. – Смотреть у меня в оба!

– Похоже, лазутчики у нас на корме спрятались, – воскликнул один из стражников и вытащил за шкуру сначала Митьку, а потом испуганного Емельку.

– Ах, разбойники! Это ж хлопцы с Подгорной слободы! – удивленно воскликнул купец. – То-то они крутились вокруг да около. Вот прикажу выбросить за борт. Зачем сбежали от родителей?

Митька ответил:

– Чу, дядька-купец, меня обидел царь! Он знал, что я хочу Царь-пушку повидать, да взамен пожаловал серебряный кубок. А я не просил кубок. Теперь мы с Емелькой сами до Москвы дойдем, в Царь-пушку залезем.

– Ужели сам царь тебя обидел? – серьезно переспросил купец.

– Царь!.. Емелька скажет.

– Митька утром плакал за избой. Его обидел царь!

С таким же грохотом, как выстрелила пушка, раздался смех на судне. Первым навзрыд засмеялся купец, тут же подхватила вся команда. Хохотали так долго, что поздно заметили суда, плывшие навстречу. Судов было не меньше восьми. Купец спохватился и гортанно крикнул:

– Купец с Астрахани на Москву идет!

– С первого судна ответили:

– Воевода с города Терки до Самары идет!.. У острова Пролей-каши до трех тысяч казаков поджидают. Пушки готовы!.. Ночью иди, авось проскочишь!

– Благодарствую воеводу... Лазутчиков сами видали. Возьмите беглых хлопчиков до Подгорной слободы. В Москву наострились, на Царь-пушку поглазеть! Пробрались тайком на корму.

– Последний возьмет!.. Трави якоря!

И Митька с Емелькой плыли на сторожевой струге обратно. Стражники с ружьями и пушкари развалились вдоль бор-

та и забавлялись веселой беседой с маленькими беглецами. Расспросив, за что Митька на царя обижен, они посмеялись и притихли. Митька и Емелька слушали разговор двух стражников. Один говорил:

– Поговори со мной, скучно плыть.

Другой придвинулся к нему:

– Ладно! Спрашивай.

– Любопытствую, за что тебя из московской охраны выслали?

– За то и выслали, что много спрашивал.

– Ой ли? Теперь-то что?.. Дальше не вышлют.

– Не вышлют, так на дыбе согнут.

Первый надвинул шапку на лоб:

– Что ж, не скажешь?

Второй толкнул его плечом:

– Ладно! Слушай. Стражником был я при царской тюрьме. Одного пленника на моих глазах в подвалах пытали. Старик тот запрещенные книги чёл, и узнал, что земля якобы круглая как шар и вертится в небесах.

– Может, тот пленник во хмелю такое говорил?

– Если б во хмелю, всё одно бы на дыбе пытали.

– Так, тебя за что сослали?

– Тому старику я сухарь жертвовал.

– Что, думаешь в тех книгах есть правда?

– Этого знать нам не дано, черт любопытствующий. Смотри, а то разбойники навалятся, тогда повертимся!

– Не пугай! Хочешь, расскажу про остров Пролей-каши.

– Ну!

– Раз хозяин несправедливо выпорол своих слуг. Украли-де крупу! Слуги осерчали, убили его и засыпали крупой. Потом в разбойники ушли. Может, тот пленник из них был?

– Тот пленник из московских.

В Митькиной голове была полная каша. Сначала он от московского дядьки-боярина узнал, что тот по велению царя задумал строить на Симбирской горе крепость. Потом узнал,

что в давние времена на Митькиной родине стояло древнее царство. Еще узнал про двуглавого орла, которого опять же привез из дальних стран царь. И вот, сейчас из разговора стражников получается, что земля, по которой течет Волга, круглая как шар. Но того, кто это знает, ждет пытка в царских подвалах. Митька теперь радовался, что возвращается домой. Ему поскорее хотелось задать множество вопросов про царя своему батьке. А с кем ещё мог Митька поговорить на серьёзные темы? Когда же он увидел Синбирскую гору и прижавшиеся к ней избы, детское сердце защемило невероятной радостью. Даже воспоминания о Тимошке и Афоньке доставили ему счастливые мгновения. Он впился глазами в знакомый пейзаж. Емелька навзрыд заплакал, когда речное судно уткнулось в родной берег...

11

В то самое время окольный Богдан Матвеевич Хитрово подъезжал к Москве. Был он в дальних городах Алатыре и Промзино, что на Суре, пробирался вдоль берегов речки Барыш, заезжал в Казань, наконец он снова услышал часовой бой колоколов Спасских ворот, увидел купеческие и дворянские дома, стены Кремля. Миновав московский караул, успокоенный знакомым стуком копыт по мостовой, он предался своим давним размышлениям. Почему царь послал именно его на восточные границы государства? Видимо, думал он, это связано с его происхождением. Действительно, Хитрово принадлежал к древнему роду. Родоначальник по имени Едуган, по прозвищу «сильно хитрый», приехал из Золотой Орды в Россию во второй половине тринадцатого века. Принял святое крещение с именем Андрей, и вот уже третье столетие род Хитрово служит русскому царю. Отец его, Матвей Елизарович Хитрово был

Алексинским дворянином. Мать Богдана Пелагея Алексеевна, всегда была при семье боярина Морозова, родного дядьки царя Алексея. Молодому Богдану много помогала по службе при дворе его родственница, боярыня Анна Петровна, женщина умная и благочестивая, стоявшая близко ко двору царя Алексея.

Надо сказать, Богдан Матвеевич в молодости получил хорошее воспитание. Уже восемнадцатилетним юношей служил он при царском дворе в должности стряпчего и был лично известен царю. Благодаря своим личным достоинствам, он вскоре был назначен «комнатным» стольником, дневал и ночевал при дворе, выполняя внутреннюю и наружную службу. Богдан Алексеевич пользовался особой царской милостью и имел доступ во внутренние покои дворца. Он сопровождал царя Михаила Федоровича во всех его походах на богомолье...

Так, размышляя и вспоминая свою родословную, он въехал на территорию Кремля и доложил о своем прибытии. Встреча с государем пугала его: как тот оценит его поход по восточным границам?.. Однако часы ожидания прошли и, пройдя через кованые ворота, Богдан Хитрово зашел в грановитую палату, где его ждал царь Михаил Федорович. В узорчатом атласном кафтане с алмазными пуговицами, царь ходил по палатам в ожидании любимого стольника. Солнце пробивалось через узкое окно и торжественно играло драгоценными камнями на Шапке Мономаха, опущенной соболиным мехом. Видя вошедшего молодца, царь оживился и первым молвил:

– Давно жду тебя с вестями, Богдан Матвеевич... Зама-терел в походе-то! Вижу! Царский наказ впрок пошел.

Богдан Матвеевич поклонился в пояс:

– Доброго здравия, великий государь Михаил Федорович! Повеление государево выполнил, прилагая знания и умения, полученные на царской службе.

– То ведомо царю! Не был бы умен и просвещен науками, не был бы при дворе... За трапезой поведаешь о своих подвигах, – царь милостиво дал ему поцеловать руку, украшенную перстнями.

В соседней палате были собраны столы. Царь приказал созвать бояр для беседы и обсуждения государственных дел.

Раздался голос:

– Великий государь всея Руси Михаил Федорович идет благословить трапезу!

Когда царь и Богдан вошли в палату, бояре уже стояли у стола, желая трапезничать. Царь дал благословение. Трапеза началась.

– Сказывай, Богдан Матвеевич! Бояре послушают, что делается на восточных окраинах моего государства? – царь сел в высокое кресло, расписанное золотом.

Богдан Хитрово поведал царю и боярам о своем походе все, что счел важным:

– Великий государь, приволжская сторона многолюдна и богата селениями и рыбацкими слободами. На берегах Волги и Суры живут мордва, чуваша, татары и русские. Реки богаты рыбой, вдоволь пушного зверья, много черноземных земель, пригодных для земледелия. Поселенцы промышляют охотой, рыбной ловлей, бортничеством. Ведут торговлю с заезжими купцами. Во всех городах и селениях меж собой люд живет ладно – в мире. Народ сметлив и к труду ловок. Царя почитают!.. От набега инородцев надобно строить город-крепость на Синбирской горе, для чего составлен сей чертеж, – Хитрово подал царю бумагу. Царь глянул, передал боярам и, подчеркивая важность сделанной работы, сказал так:

– Славно выполнил царский указ Богдан Хитрово. Жалую ему оклад в 500 четей и денег 30 рублей... Строительство крепостей на восточной границе надобно начать сразу, как на то в казне денег будет хватать.

– Все будет в точности исполнено, великий государь! – ответили с почтением окольничие бояре, продолжая трапезу.

– То ведомо царю!.. Жарко ныне!

Богдан Хитрово, зная каждый жест царя, припав на колени, расстегнул Михаилу Федоровичу алмазные пуговицы кафтана:

– Дозволь мне, великий государь, город на Синбирской горе основать!

Царь пребывал в благодушном настроении, однако нахмурился:

– Того не можно, пока не будет на то мей воли! Государственных дел и так хватает. Казну пополнить требуется!.. Сибирские земли освоить от Енисея до Камчатки!.. Служи, боярин, пока при дворе. Восточные границы подождут!

Богдан Хитрово, кланяясь, поспешил ответить:

– Твоя светлая воля, великий государь!

– То ведомо царю, – и, смягчая тон, царь добавил, – ты, Богдан, из родовитых будешь. По нраву мне твой ум и отвага, да молод ты еще! Неопытен!.. Придет время, состроишь город!..

И потекло время истории, как широкая и привольная река, неспешно и безостановочно. День сменялся ночью, год прибавлялся к году. Владения России увеличивались, государство крепло, люди жили своими повседневными заботами.

В 1645 умер царь Михаил Федорович и на престол взошел его сын, Алексей Михайлович. Новый царь был любознательным и благородным. Задумав какое-то дело, он энергично осуществлял задуманное. Приметив в стольнике Богдане Матвеевиче острый ум и деловую хватку, царь

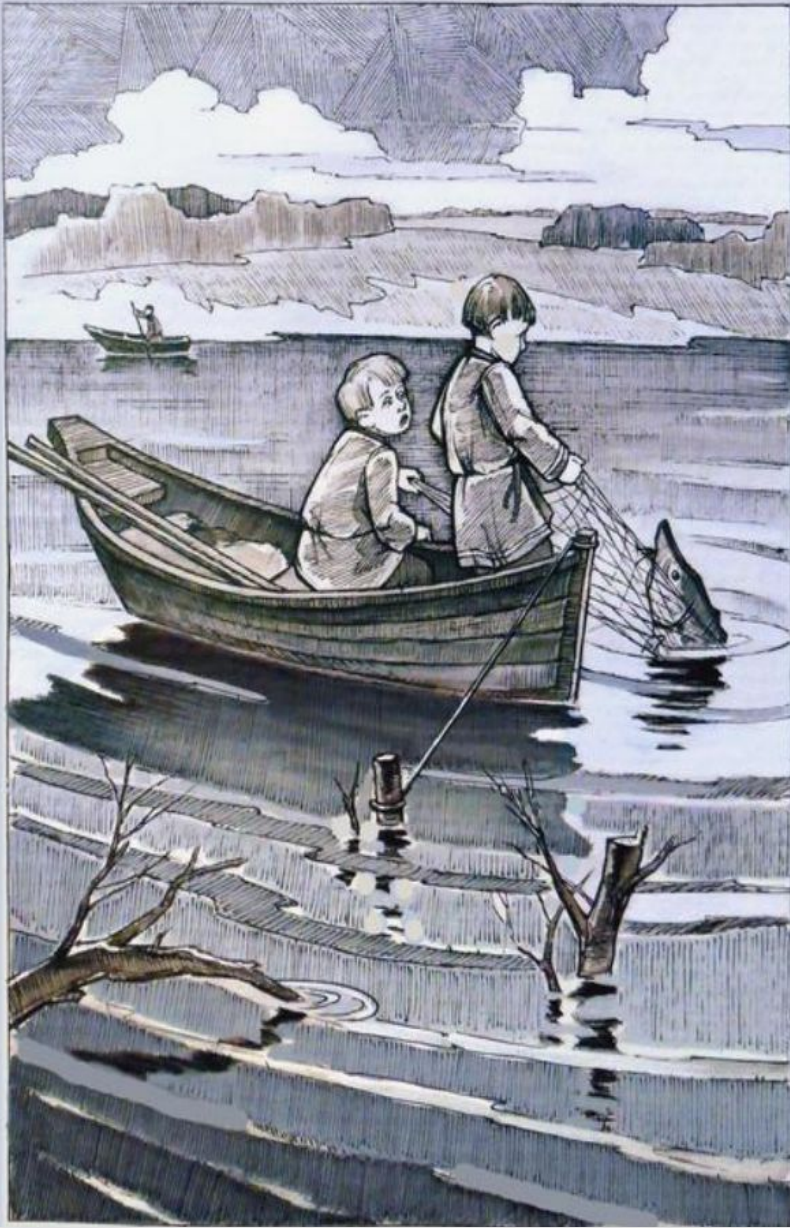

вскоре освободил его от придворной службы и назначил полковым воеводою в Темников для того, чтобы молодой боярин набрался опыта военного строительства. Молодой воевода с охотой и рвением взялся за новое дело. Подчиненные ему люди считали его строгим, но справедливым, за что уважали и любили. Будучи воеводой, Богдан Матвеевич обвел земляным валом город Керенск и был направлен на строительство оборонительных сооружений у восточных границ государства. Выполняя царский указ, в 1647 году стольник и воевода Богдан Хитрово заложил крепость Сурский острог, построил лесную засеку в 53 версты и основал город-крепость Корсун. Царь Алексей Михайлович остался доволен выполненной работой и пожаловал Богдана Матвеевича в окольничьи. Со времен Древней Руси придворное звание «окольничий» считалось высшим боярским чином и давалось за особые заслуги перед царем и Отечеством.

Став одним из лучших военных строителей, Богдан Матвеевич желал осуществить свою давнюю задумку – основать город-крепость на Синбирской горе. Уж очень по нраву пришелся ему высокий волжский берег. Он часто вспоминал волжскую вольницу, костер на берегу ночной реки и смышленного Митьку. В глубине души он завидовал вольной жизни мальчишки, вспоминая свою, когда он изо дня в день постигал грамоту, науки и военное искусство. Сначала в доме отца, потом в доме дядьки боярина Морозова, а после – при царском дворе, где испытал не мало унижений до той поры, когда царь заметил его и милостиво похлопал по плечу.

В тот год, когда Богдан Хитрово строил город Карсун, Митька и Емелька получили разрешение от родителей на самостоятельный рыбный промысел. Как-никак Митьке исполнилось тринадцать лет, а Емельке – двенадцать. Все лето у них шел негласный спор с Тимошкой и Афонькой за звание лучших рыбаков. До сих пор перевес был на стороне Тимошки и Афоньки. Они раз поймали рыбу величиной в три

локтя и этим очень гордились. Тимошка при встрече всегда подтрунивал над соперниками:

– Митька, вы вместо рыбы ловите раков?

В основном, мальчишки рыбу ловили удами у западной стороны Чувичинского острова. Теперь Митька решил поискать новое место. Однажды они с Емелькой поплыли дальше обычного места и попали на мель, о которой раньше не знали. Смерив глубину между островом и мелью, Митька обрадовался: там была впадина. В ней-то Митька и решил попытаться счастья. Он выпросил у отца старую волокушу на очень крупную рыбу, залатал в ней прорехи. Митька не спешил. Он ждал безветренной погоды, не желая зря рисковать: старый невод мог подвести рыбаков. Да и новое место раньше времени не хотел выдавать Тимошке и Афоньке. Митька вспомнил про серебряную копейку, которую ему пожаловал московский дядька-боярин. В отличие от Емельки, который купил на свою деньгу пряников, Митька хранил боярский посул. Теперь ему пришла в голову идея сделать серебряную монету приманкой для большой рыбы. Митька надраил ее до зеркального блеска, пробил в ней дырку и повесил в середине невода.

Когда наступила тихая солнечная погода, Митька и Емелька тайком от соперников отправились на острова и заночевали на берегу острова в лодке, укрывшись старым шушунном.

13

Чуть занялась заря, рыбаки проснулись, поёживаясь от озноба. Река-красавица в этот час текла тихо и спокойно. В беспредельном просторе тянулись волжские берега за горизонты, ещё сонные и дымчатые. Чайки кружили вокруг мели, которую видно было по мелкой ряби и темно-синему цвету.

Митька задрожал в предчувствии хорошей рыбалки и, зевая, сказал:

– Чу, Емелька, чаицы так и кружат! Рыбу к нам подгоняют! Толкай лодку, что рот открыл?

– Зябко!..

– А ну, берись!.. Двигай!.. Греби!

Друзья подплыли к мели, встали на неё и забросили невод. Поначалу было легко, а потом застопорилось. Митька и Емелька осторожно подтягивали волокушу, чувствуя подводную тяжесть.

– Выправляй! Тяни!.. Подтягивай! – кричал разгоряченный Митька. – Стерлядка или сом!

Из воды высунулась остроносая голова стерляди. Черным глазом рыбина смерила рыбаков и рванулась вглубь, ударяя длинным хвостом по воде. Лодка дёрнулась и сошла с мели.

– Держи-и! – Митька повалился в лодку, намертво схватив веревки.

Емелька был не так расторопен. Он испугался и чуть не свалился за борт. Натянутой верёвкой ему прижало кисть к краю лодки, и Емелька, не сообразив сразу, что произошло, от испуга закричал:

– Рыба мне руку откусила-а!

– Не томашись, Емелька!.. Выпроставай руку и ляг в лодку, а то рыбина нас кувыркнет в воду!

Так они полулежали, боясь высунуться, время от времени подтягивая невод, чрезвычайно напрягая мышцы и подбадривая друг друга воинственными восклицаниями. Рыба билась все слабее, иногда затихала совсем, но рыбаки ощущали ее присутствие каким-то неведомым чутьём. Солнце выглянуло из-за левого берега и скользнуло розовыми лучами по корме лодки. Митька, не выпуская из рук невод, заглянул в воду:

– Тяни, Емелька! Она запуталась и утихла!

Друзья вытащили из реки большую рыбину, накрыли ее гладкое тело волокушей и придавили своими телами. Теперь они лежали счастливые. Глаза блестели от радости. В лицах читался восторг и не угасшая ярость победителей. Рыбина вздрагивала, но не сильно.

– Сколь она в длину, Митька?

– Чу, Емелька, локтя четыре!

– Больше Тимошкиной рыбы?

– Чу, еловая голова! На локоть больше!

– Что делать будем?

– Понятно что! Тимошке и Афоньке нос утрём!..

В тот же день Митькин отец погрузил пойманную рыбину вместе с другим уловом на телегу, и они втроем поехали за Свягу в селение, отдаленное от Волги. Свою рыбину Митька и Емелька продали за полтину. Уже возвращаясь, Митька вспомнил, что не видел серебряной монеты в сетке. Подъехав к дому, он перерыл всю лодку, но монеты не нашёл. Рыба ли её проглотила, или она оторвалась и упала на речное дно, для него так и осталось загадкой. Однако мечта о Москве не исчезла, и Митька часто думал о дядьке-боярине и Царь-пушке, которую он обязательно должен увидеть...

Морозным утром 10 февраля 1648 года Богдан Хитрово был в царских палатах. Царь последнее время пребывал в задумчивом настроении из-за смуты на Украине. Вопрос о воссоединении Украины с Московским государством стоял давно, но Польша и Литва противилась этому. Однако сегодня царь повеселел. Он милостиво принял боярина. В присутствии иных бояр дьяк зачитал царский указ, по которому было необходимо окольниковому Богдану Матвеевичу Хитрово с дьяком Григорием Кунаковым отправляться в понизовые города для строения новых городов и засечных укреплений.

лений от реки Барыш до реки Волга. В указе также сказывалось, что на службу к Богдану Хитрово предписывалось прибыть арзамасцам, нижегородцам, а также мурзам и татарам из других городов Поволжья. Общий сбор всем строителям объявлялся в городе Алатыре. Царь молвил:

– Доверяю тебе, Богдан Матвеевич, заложить на Волге город-крепость и дать ему название. Поезжай спешно, дабы с весны начать работы и к осенней распутице завершить!

– Твоя светлая воля, великий государь! Название городу дам по названию горы, на которой он будет стоять – Синбирск. Это слово с давних времен вошло в местный обиход.

Царь удовлетворенно кивнул:

– Государевым словом Синбирск утверждаю!.. В окончании Великого поста пожалую крест для соборной церкви Синбирска!

– Благослови меня, великий государь!

– Благословение государево даю!.. Какой помощи просишь?

– Прошу, великий государь, послать грамоту Арзамасскому воеводе о том, чтобы он выслал не позднее марта в Алатырь всех строителей по списку.

– То я знаю! Сия грамота будет отписана и послана воеводе... Боле скажу, неделю как послана такая грамота в город Курмыш... Дьяк, чти сию грамоту!

Дьяк развернул бумагу и стал громко читать: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси на Курмыш Воеводе нашему Сергею Ивановичу Чоглокову. По нашему указу велено окольному Богдану Матвеевичу Хитрово да дьяку нашему Григорию Кунакову быть на нашей службе для городского и засечного строения от нового города Корсун от реки Барыша до реки Волги, а с ним по нашему указу велено быть Курмышским дворянам, детям боярским и курмышским стрельцам...

Во вторую неделю Великого поста, 20 февраля 1648 года, Богдан Хитрово с товарищами выехал по зимнему пути из Москвы. Легкая конница проходила восемьдесят верст в день, и в конце февраля царский окольный прибыл на Суру в город Алатырь. В тот же день он отправил курмышских служилых людей с обозами на Синбирскую гору, что находилась в 160 верстах от Алатыря. Им приказывалось заняться постройкой временного жилья для прибывающих из городов строителей Синбирска. Сам же Богдан Хитрово, проведя подготовительную работу, с объединенным полком в несколько сот человек, с обозами и строителями в начале марта отправился по санному пути на место будущей Синбирской крепости. Дорога была тяжелой. Рыхлый осевший снег затруднял движение. Хитрово хмурился:

– В снежных топях застрянет обоз! Чувствую затруднения с первых дней похода.

Верный товарищ Богдана Хитрово – Ивашко – пытался развеять черные мысли боярина:

– Всякий поход не живет без хлопот. Март и снегом сеет, и солнцем греет... Все сладится, Богдан Матвеевич!

– Добре, если сладится! Провианту мало! Беглые средь строителей есть!

– Одного поймали. Хотел оврагами уйти!

– Прибудем на место, бунтаря наказать с великой строгостью!

Ивашко успокаивал боярина:

– Дьяк Гришка и дорогой счет ведет. Говорит, из Свяжска мы не досчитались всего троих, из Курмышы – дюжины, Алатырские все здесь.

– Счет этот я знаю, Ивашко! К маю надобно собрать до пяти тысяч людей со всей округи. Как начнем засечную черту строить, много людей понадобится. От русских – с пяти дворов по человеку, от ясашных – с трех дворов...

Прибыли они на место строительства в полдень. День выдался по-весеннему солнечным. Волга, закованная во льдах, мирно дремала в ожидании скорого весеннего половодья. Синбирская гора, вся покрытая снегом, величественно возвышалась над волжским простором. Внизу, у подножья, дымили заснеженные избы. Весенние, еще робкие пересвисты птиц радовали сердце и предвещали бурное пробуждение природы после долгих зимних месяцев спячки. Красногрудые снегири спрыгнули на снег и перескакивали с места на место, не пугаясь людей.

Конные воины выехали на край высокого берега.

– Здравствуй, волжская вольница! – воскликнул Богдан Хитрово, оглядывая бескрайние горизонты. На боярине была бобровая шуба и меховая шапка, искрившаяся на солнце.

Неразлучный с ним Ивашко подобострастно воскликнул:

– Выехал на венец наш Богдан Матвеевич, русский удалец!

Царский окольный от души рассмеялся:

– Добро, Ивашко! Вспомнил наш первый поход! А ну-ка, смерть своим метким глазом, сколь саженой эта гора над рекой возвышается!

– Скажу боярин, Богдан Матвеевич, сто саженой кувыром да под горку.

Оба всадника дружно рассмеялись. Богдан Хитрово повернулся к своему войску и раскатистым голосом крикнул:

– Город Синбирск по царскому указу воздвигнем на этой горе!.. Шапки долой! Ура-а! – боярин сдернул с головы шапку и поднял её над собой. Свежий ветер принялся трепать его черную шевелюру. Хитрово стоял счастливый, ястребиные глаза блестели от радости, в лице сияла торжественность.

– Смотри-ка, Богдан Матвеевич! Под горой церковь построили да изб прибавилось.

– Вижу, Ивашко!.. А мы на горе крепость должны поставить.

– Поставим! Не сомневайтесь, боярин!

– Добре, Ивашко! Давай команду!

Ивашко набрал в легкие свежего волжского воздуха и протяжно выдохнул:

– Э-эй! Слушай команду! Разворачивай лагерь! Ставь обозы! Жги костры! Кашу вари!

Богдан Матвеевич, Ивашко, дьяк Григорий Кунаков, строительные мастера, зодчий и лекарь вошли в просторный сруб, поставленный курмышскими строителями. На грубо отесанном столе, пахнущем смолой и свежей стружкой, разложили строительные чертежи. Молча смотрели, изучали, ждали первого слова. Богдан Хитрово хлопнул всей пятернёй по бумагам:

– Государь и Великий князь Алексей Михайлович времени на постройку города-крепости отмерил мало, до осенней распутицы. Начнем строить одновременно стены Кремля с башнями и погребами для пороха, воеводский двор, амбары, казармы для гарнизона и собор. Что добавишь, Гришка? – окольничий обратился к Григорию Кунакову. По царскому закону он должен был согласовывать свои действия с дьяком.

– Верный расклад, боярин! Перво-наперво надо ставить Кремль с башнями!

– Добре, раз согласие имеем!

Ивашко добавил:

– Успеем до осени, Богдан Матвеевич, если дружно сработаем.

– Сработаем! Не впервой! – раздались голоса. – Стены Кремля дубовые или сосновые?

– Стены и башни дубовые, а внутренние постройки кремля выше венцов – сосновые, – с охотой отвечал зодчий. – Длина стен по двести казенных саженей.

Тут началось бурное обсуждение тонкостей строительства. Когда споры утихли, Богдан Хитрово подытожил:

– Добро! Срубы для собора Живоначальные троицы, приказной избы, воеводского двора и других построек рубим в лесах, возим и собираем без промедления на отмеченных местах. Засечную черту строить начнем позже, когда крепость поставим и строителей еще прибудет... С Богом!

В этот же день он приказал вырыть в центре строительства столб с вырубленной на нём надписью «**Синбирск**». Главный градостроитель окольничий боярин Богдан Матвеевич Хитрово сам установил сей столб, собрал вокруг всех строителей и ратников, снял свою шапку, перекрестился и провозгласил:

– По указу царя и великого князя Алексея Михайловича здесь будет стоять город-крепость Синбирск!

17

Так началось строительство Синбирска. Согласно традициям зодчества и военной стратегии древней Руси, город-крепость Синбирск должен был состоять из двух частей: внутренней и наружной. Главная часть – внутренняя цитадель – имела форму правильного четырехугольника. Называлась она «Кремлем» или в простонародье «рубленным городом». Место для Кремля выбрал Богдан Хитрово на краю высокого берега, который он окрестил Венцом. Царский окольничий был в то время уже опытным строителем, поэтому преимущество Венца он использовал наилучшим образом. Приближение врага с этой высоты можно заметить за многие километры!

Кремль должен быть обнесён мощной дубовой стеной с высокими башнями по углам и въездными воротами с северной стороны. В башнях – бойницы для пушек, пищалей и карабинов. Кроме того, вокруг Кремля предполагалось устроить глубокий ров и земляной вал. Наружная часть крепости называется ретраншементом. Это дополнительная линия обороны, обнесенная еще одним рвом и валом. А со стороны Волги по склону вместо рва – рубленая стена, установленная полукругом. Она называется острогом, потому что выдвигалась в сторону врага крепкими заостренными стволами сосен. Что сказать? Взять приступом такую крепость нелегко. В этом-то и была главная задумка окольного боярина и военного строителя Богдана Матвеевича Хитрово.

По приезду на Синбирскую гору боярин сразу задумал навестить старых знакомых – Митькину семью, которая гостеприимно приняла шесть лет назад царского стольника. Однако хлопоты начала строительства не давали ему этой возможности, а затруднений, которые замедляли строительство, надо сказать, было немало. Как говорил Ивашко: «Не будет хорошего начала, не жди хорошего конца! А добрый конец – всему делу венец!» Боярин слушал, на ус наматывал, однако многое делал на свой лад, да Ивашке часто за строптивость доставалось. На то Хитрово и был царским воеводой и окольным боярином.

Только через несколько дней он послал гонцов в Подгорную слободу с наказом разыскать Митькин дом и дать наказ хозяевам, чтоб встречали важных гостей. В глубине души Митька ждал этой встречи. В тот день, когда прибыли первые строители – курмышские мужики – Митька с Емелькой поднялись в гору и первыми узнали о скором приезде боярина Хитрово и строительстве крепости. Это внезапное известие сильно потрясло и Митьку, и всех волжских поселян, хотя слухи о крепости пошли с тех пор, как Хитрово ночевал в слободе. Сейчас отважиться прийти на встречу со знат-

ным боярином ни Митька, ни Емелька не могли. Они наблюдали из-под горы за прибытием ратных и служилых людей и застали, на своё счастье, тот миг, когда Богдан Хитрово с Ивашкой выехали на край высокого берега. Когда же гонцы-стрельцы вошли в его избу, Митькино сердце забилося с небывалой силой, дыхание перехватило, и он не смог вымолвить ни словечка. Митькина мать всплеснула руками:

– Ой, цари земные и небесные!..

Митькин отец сказал:

– Гостям – почет, хозяину – честь! Встретим хлебом-солью!

За час до прибытия гостей на Волге завьюжило, поднялась метель. Зима не хотела уступать волжское раздолье весеннему празднику. Боярин вошел в избу, отряхивая широкий бобровый воротник шубы. Хозяева поклонились в пояс:

– Хлеб-соль, боярин! Добрый гость всегда впору! Просим к столу.

– Доброго здравия, хозяева! Здравствуй, Митька! Возмужал! – Богдан Хитрово по-свойски сел на лавку, расстегивая позолоченные пуговицы и снимая высокую меховую шапку. – На-ка, Митька, приладь к месту...

– Не узнать мальчика-стрельца, – похохатывал Ивашко. – Где ж твой дружок?.. Имя у него потешное.

– Емелька, – подсказал Митька.

– То верно, Емелька! Где ж он?

– За избой схоронился!

– Мы не инородцы, чтоб от нас прятаться! Зови в избу.

Митька прытью выскочил в сени. Богдан Хитрово устремил глаза на хозяина:

– Добро, Кузьма! Садись, расскажи как тут житьё-бытьё?

– По-прежнему, боярин! Живём не тужим, а коль тужим, не жалуемся. Ногайцы да казаки захаживают. Разор чинят, да мы рады, что живы! Волга прокормит!

– Город-крепость Синбирск построю на горе! Дан на то царский указ и благословение.

– О том слышали, боярин. Народ в радости пребывает.

– Добро, коль так! Что ж за церковь поставили под горой?

– Успенская!

– На горе построю собор и церковей сколь надо.

– Рады будем, боярин...

Вошел радостный Митька, а за ним смущённый Емелька. Поздоровались. Сели за стол, уставленный нехитрыми яствами: вяленая рыба и копчёное мясо, хлеб и чёрная икра, пироги и грибные засолы. Ивашко достал три серебряных кубка и бутылъ с вином.

– За Синбирск! – поднял кубок Хитрово.

Боярин принялся расспрашивать Митьку о том, куда ж пошла пожалованная копейка. Тот похвалился:

– Чу, дядька-боярин, мы с Емелькой поймали стерлядку в четыре локтя и продали за полтину. Копейку я приманкой для рыбы сделал.

– Что так дешёво – за полтинник? В Москве за такую рыбу дают не меньше рубля.

– То в Москве! Купцу можно продать дороже, а деревенским не продашь.

Ивашко похвалил:

– Ай, малец-молодец! С выгодой использовал копейку...

Ну а ты, Емелька, на что потратил подарок?

– Пряников купил.

– Что ж, на другое не хватило?

– Мне хватило, а Митьке нет. Он в Москву хочет ехать,

Царь-пушку смотреть.

Ивашко взглянул на Митьку:

– Емелька брешет?

– Не брешет! Хочу Царь-пушку увидеть и книгу шестикрылую купить, где сказано, что земля как шар круглая.

Окольничий боярин с интересом взглянул на Митьку:

– Азбукой владеешь?

– Чу, дядька-боярин, выучусь сам! – в глазах Митьки вспыхнули огоньки упрямства.

Митькина мать запричитала:

– Ой, цари земные и небесные!.. Что удумал, очумелый!

Богдан Хитрово предложил:

– Кузьма, пойдёшь ко мне на службу? Провиант закупать для моего войска. Мальцов – в помощники! Плата добрая, коль будет без обмана.

Митькин отец задумался, посмотрел на домочадцев и согласно кивнул:

– От хорошей службы отказа нет. Обмана не будет, боярин!

– На том и порешим. Служба будет исправная, Митьку в Москву возьму. Грамоте и наукам обучу. Вижу в нём смекалку и добрую хватку к делу.

Митька впился глазами в отца, желая увидеть его мнение, услышать его слово. Кузьма понял желание сына и ответил боярину:

– Не подведём, боярин. Служба будет исправная. Митька к наукам способен.

– Добро, Кузьма! Заночуем в твоей избе. Не прогневаешься?

– Добрый гость не в убыток, – ответил Митькин отец.

– Ивашко, проверь караул!

Митька не знал, что делать со счастьем, которое переполняло его сердце. Сейчас ему хотелось расцеловать дядьку-боярина, отца, мать, Емельку, Тимошку и землю, на которой есть-таки настоящее счастье. Всю ночь он не сомкнул глаз и лежал, наслаждаясь своей тихой радостью...

Уже к середине лета на Синбирской горе стояла крепость, погреб для пороха и оружия, строился воеводский двор, Троицкий собор. Воеводский двор занимал видное место в Кремле. Кроме жилого дома, мыльни, ледника, конюшни, там размещались приказная и земляная изба. Рядом строилась таможня, соляные погреба и казарма для гарнизона.

Митька с отцом закупали в деревнях и слободах провиант и возили в Кремль. На Митькиных глазах строился город. Вокруг Кремля вырастал посад – поселение, где жили горожане: мелкие ремесленники, крестьяне, чернорабочие. Там же располагался гостиный двор – лавки и торговые ряды для заезжих купцов. Митька частенько заводил с купцами интересный разговор о житье в других городах, все больше утверждаясь в мысли, что грамоты ему очень не хватает, и он с нетерпением ждал того дня, когда дядька-боярин возьмёт его в Москву.

Впервые настоящие книги Митька увидел, когда из Москвы царь Алексей Михайлович прислал для соборной церкви «Церковное строенье». Дьяк Григорий Кунаков и казначей принимали по описи царские подарки:

– Книга Кормчая!.. Здесь она!.. Потребник!.. Принят!.. Псалтирь!.. Атлас золотой!.. Пояс шёлковый!.. Три колокола!.. Бери, братишки! Ставь! Сколь весу-то в них!.. Записано двенадцать пудов!

Ещё весной был прислан из Москвы на престольный золотой крест с нанесённым на нём текстом: «Повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца и его благоверных царицы и великая княгиня Марии Ильиничны сделан сей крест в Синбирский город в соборную церковь Живоначальныя Троицы лета 7156 г. (1648 г.) марта в 6 день». Царь Алексей Михайлович внимательно следил за строительством Синбирска,

получая регулярные донесения окольного боярина. Укрепление восточных границ государства было в те времена наиважнейшим делом.

Город рос усилиями и трудом тысяч крестьян, строительных мастеров, дворян и самого Богдана Матвеевича Хитрово. Однако, кроме возведения крепости, строилась оборонительная засечная черта от Синбирска до Корсуна. До пяти тысяч человек занимались изнурительной работой: рыли ров и насыпали земляной вал со стороны освоенных земель. Митька и его отец удивлялись размерам рва – на открытых участках до шести-восьми метров глубиной! Мало того, на гребне вала сооружалась стена из толстых заострённых брёвен, обращённых острыми концами в сторону предполагаемого противника. На лесных участках перед рвом и валом строители устанавливали многокилометровые засеки, которые дали название этому оборонительному сооружению – засечная черта. Для устройства засек деревья подрубались на высоте одного метра от земли и заваливались в сторону противника. Ширина таких завалов доходила до двухсот метров. Однажды, возвращаясь с грузёным возом провианта, Митька и Емелька решили испытать засеку. Они принялись пробираться по сваленным соснам в сторону рва, но на полпути вернулись, ободрав в кровь руки и щёки. Они сошлись на том, что легче забраться на Симбирскую гору, чем преодолеть лесную засеку.

Осенью Богдан Хитрово пригласил в почти отстроенный дом воеводы Митьку и его отца. Встретил гостей хозяин очень радушно:

– Добре, Кузьма! Служба твоя исправна... Жалованье твоё увеличиваю... Завтра ко двору отбываю по государственным делам... На Украине неспокойно. В Польше вот-вот нового короля провозгласят... Когда вернусь, не ведаю. Гришка Кунаков в моё отсутствие будет от имени государя суды вершить!.. Хочу забрать Митьку в Москву, как сговаривались. Грамоте и наукам пора ему обучаться. Послужит в

доме моей тётки, поглядит на мир. Какое слово скажешь, Кузьма?

Митькин отец молчал с минуту, сдерживая слезу. Первым проявил чувства Митька, бросившись к отцу в объятия и заплакав навзрыд. Кузьма прижал его и, повздыхав, ответил:

– Время подойдёт, так и лёд пойдёт! Кланяюсь, боярин Богдан Матвеевич, за такую милость. Митькина мечта – в Москву ехать. Не буду противиться счастью такому.

– Добро, Кузьма! Год-другой Митька в отлучке будет, а потом вернётся. При воеводе служить будет!..

Митька утёр слёзы и счастливо улыбался:

– Чу, дядька-боярин, я учиться буду исправно, с прилежанием и терпением!

– Верю, а кабы по другому, остался бы в своей слободе... Да, забыл сказать, что вашу слободу называть теперь надобно Успенской, по названию церкви. Митька, скажи, поедешь со мной в Москву?

– Поеду! – Митька вздохнул с облегчением, – Перво-наперво Царь-пушку погляжу!

– Всё поглядишь! Кремль, царские палаты, Бог даст, самого государя увидишь!.. Москва велика! В Синбирске своя красота – волжская! Эх, какой город отстроили, Кузьма!

– Смотрю каждый день на него, боярин Богдан Матвеевич, и глазам не верю. Будто в сказке силой волшебной воздвигнут!

– Добро, Кузьма! Красиво сказано... Город хорош! Перед царём не стыдно будет стоять... Что ж, в Москву!..

На этом позволю себе закончить эту повесть, времена которой славились царствованием князя Алексея Михайловича, великого государя всея Руси. Дабы не разочаровывать внимательного читателя, кратко изложу дальнейшую жизнь главных героев. Митька два года в Москве постигал грамоту и разные науки. Царь-пушку он, конечно же, разглядел со всех сторон и был потрясён её мощью и красотой. Вернулся

в Синбирск и работал в приказной избе писарем, однако дальние страны манили его неведомой силой. На гостинном дворе Митька сдружился с Астраханским купцом, который взял его с торговым караваном в Персию. Во многих странах побывал Митька, но тоска по родному краю щемила сердце, и к двадцати пяти годам он вернулся на Волгу-красавицу, в свою слободу с приземистыми избами, и стал трудиться подрядным рыбаком, иногда вылавливая царь-рыбу, на которую приходили подивиться многие синбиряне. Одно время Митьку выбирали губным старостой. Стали величать его Дмитрием Кузьмичом. Да не по душе оказались ему судебные да полицейские дела. Уехал он в Москву и стал книгопечатником: писал ли сам книги, о том почти ничего неизвестно. Говорят, Митька страстно изучал древнюю историю, много путешествовал по России, намереваясь о том написать серьезный трактат. На старости лет он вернулся в Синбирск и всё время проводил на Волге, рыбака и рассказывая рыбацкие байки своим землякам. Митькиным потомкам передалась его тяга к знаниям и просвещению, любовь к своему краю. Симбирская земля рождала таких великих людей, как писатель и историк Николай Карамзин, писатель Иван Гончаров, поэт Николай Языков, художник Аркадий Пластов и многих других наших земляков, прославивших своим трудом и творчеством малую Родину.

Емелька же всю жизнь прожил в Успенской слободе. Во время осады Синбирска в 1670 году войском Степана Разина Емелька хотел было примкнуть к казакам, но его сильно ранило. Судьба не позволила ему покинуть родные берега.

Богдан Матвеевич Хитрово уже в 1649 году ведал в Москве Земским приказом, а затем – Челобитным. С 1654 года он участвовал в военных походах против Польши, Швеции. По окончании польского похода Богдан Хитрово получил царскую награду: кафтан атласный золотой на соболях, кубок золоченый с кровлею и денежную премию. В 1657 году Хитрово стал царским оружейничим и ведал Ору-

жейной палатой, потом Золотой и Серебряной палатой. Богдан Хитрово был одним из самых ближних царедворцев и всегда занимал первое место по левую сторону царя. Жизнь свою он прожил с честью, верно служа своему Отечеству.

Город Синбирск, который потом стали называть Симбирском, а ныне – Ульяновском, стоит и поныне на красивой волжской горе, и всегда будет хранить в своей истории имя своего основателя – Богдана Матвеевича Хитрово.

Художник Вячеслав Таранов, член Союза художников России